

После развала Союза, советской науки, советского флота и всего, что только возможно, возили мы туристов в Антарктиду. Наш маленький по антарктическим меркам, бывший научный пароход был зафрахтован канадской турфирмой.

Схема круиза была примерно следующая. Канадские, американские и реже других стран дамы и господа выкладывали турфирме 12 тысяч баксов. Фирма переправляла путешественников самолётом в Буэнос-Айрес. Там их пересаживали в самолёт местных авиалиний и привозили на аргентинскую часть острова Огненная Земля (вторая половина острова принадлежит Чили) в маленький городок Ушуайя, где в порту и ждал их наш «лайнер». Прибывших на автобусе подвозили к борту судна. Выстроившийся в шеренгу экипаж по команде трижды кричал: «Вэлком, френдз!» (Добро пожаловать, друзья!). Затем, разведя гостей по каютам, их быстро обучали надевать спасжилеты, показывали, как выходить к спасательным плотам и шлюпкам, и судно уходило в плавание. Рейс занимал около 12 суток. Два — три дня (по погоде) мы преодолевали пролив Дрейка, отделявший Огненную Землю от Антарктического полуострова и окружающих его Шетландских и Южных Оркнейских островов. Наш пароход был невелик, но в этом и было его преимущество. Мы забирались в такие узкие проливы между сотен островов, куда большие круизные теплоходы и сунуться не смели. Зато там была масса непуганого тогда ещё зверья: тысячи пингвинов, разных птиц от крошечных качурок до гигантских буревестников; китов, тюленей, морских леопардов, косаток, морских слонов и котиков. И всё это можно было

сфотографировать, снять на видео и просто потрогать руками. А круглосуточный полярный день — чудо, невиданное городскими жителями, с восхитительными закатами и восходами?! А причудливой формы скалы?! Была, например, скала «Китобой» — типичный бородатый мужик в вязаной шапочке и с трубкой в зубах. Была скала «генсек Брежнев» — ну, настоящий солидный партийный чиновник, действительно похожий на «позднего» Леонида Ильича. И всё это в камне! И таких размеров, что Зураб Церетели должен нервно курить в сторонке. И всё это — природное! Завозили туристов и на полярные станции — действующие и заброшенные. Завозили на вулкан Десепшен. В своё время, в одно из извержений, вулканическим взрывом выбило часть конуса вулкана. Море ворвалось в этот проём, охладило часть лавы, превратив её в пробку, заткнувшую горловину вулкана. А пролом превратился в узкий, шириной метров 60 пролив, ведущий внутрь горы. Вы бывали в жерле не потухшего вулкана?! Внутри горы — озеро тёплой воды длиной 10 и шириной 4 километра. 40 кв. км площадь! Представьте, какой это был столб огня! На склонах вулкана снег, а берег из чёрного пепла у воды реально горячий. Мы устраивали шоу — выкапывали на берегу длинную яму, напускали туда воды из внутривулканического бассейна и туристы купались в горячей воде! Так проходило 7–8 суток. Затем опять через Дрейка в Ушуайю, в самолёт и домой. Я не видел ни одного туриста, пожалевшего о потраченных деньгах. За четыре месяца антарктического лета (декабрь, январь, февраль, март) мы делали примерно 10–12 рейсов в Субантарктику.

Теперь немного технических подробностей, прежде чем я перейду к сути рассказа. Наш научный пароходик был рассчитан на 60–70 человек экипажа. Для перевозки туристов, разломав лаборатории, устроили в помещениях каюты. Экипаж уменьшили до 20 чел.: капитан, старпом, два штурмана, боцман, три матроса, «дед» (главный механик), два механика, три моториста, доктор, радист, повар и три буфетчицы, они же уборщицы. Канадская турфирма добавила к русскому экипажу своих представителей — 5–6 чел, именуемых кратко стафф. Шеф стаффа был мужик лет 40, лысоватый, очень спортивный, умный, хитрый и большой поклонник прекрасного пола. Два канадских повара и 2–3 помощника шефа, числившиеся «научными работниками», служивших для развлечения туристов показом фильмов, лекциями (по бумажке), управлением моторами лодок для высадки

туристов на побережье островов. Ввиду любвеобильности шефа один из помощников часто заменялся на молодую леди. Стафф вывозил туристов на острова на прекрасных, очень мореходных резиновых шлюпках под названием «Зодиак» (их иногда показывают в голливудских кинофильмах про американскую морскую пехоту или американский же спецназ и диверсантов). «Зодиак» были снабжены практически безотказными японскими моторами и развивали приличную скорость даже на 5–6-балльной океанской волне. Как правило, работали два «Зодиака». На его резиновых бортах спиной к воде размещались 10 туристов — по пять на борт. На носу лодки № 1 сидел судовой врач с 20-килограммовым резиновым (чтоб не промок) мешком медикаментов. На моторе сидел чаще всего радист или один из механиков. Такая же схема размещения была и на втором «Зодиаке», где правили бал помощники шефа. За 4–5 рейсов «Зодиаки» перевозили туристов на место высадки к тюленям, пингвиным колониям и так далее.

Туристы, сидя на бортах шлюпки, были обязаны держаться за верёвочные концы-фиксаторы. Это было опасным моментом круиза. Одна бабулька, увешанная с ног до головы фото-видео и киноаппаратурой (как и все остальные путешественники, впрочем) вдруг увидела, глянув через плечо в воду, стаю ныряющих пингинов папуа.

С радостным визгом: «Пингвинс, пингвинс!!» — бросила верёвку, схватилась за свой видеоприбор и на большой скорости «Зодиака» от толчка волны, кувырнулась в ледяную антарктическую воду. Каким чудом, каким божьим промыслом, мой радист, одной рукой управляя ревушим мотором, другой рукой выхватил из летевшей мимо воды эту даму — не понял никто, даже сам радист. (Может, сказалась реакция боксёра, коим спортом занимался радист в юности). Бабусю, находившуюся в глубоком шоке от ледяной воды и случившегося, удалось привести в сознание, только разжав ей искусственные фарфоровые зубы и плеснув в рот 70-градусного спирта из моего мешка. Бабуля откашлялась, задышала, проверила целость и наличие своей аппаратуры, отплевалась от воды и обложила меня какими-то английскими идиомами. Пришлось отвезти её на судно и сушить у главных двигателей, после чего леди пожаловалась на врача шефу стаффа — на звериную русскую медицину. Тот сказал капитану и «мастер» приказал старпому выдать врачу бутылку коньяка за спасение почтенной леди, вторую бутылку вручили радисту, а третью было приказано положить в мой резиновый (высадочный) мешок с медикамента-

ми, «чтобы избежать впредь подобных жалоб». Кстати, средний возраст этих интуристов составлял 68–75 лет. В основном это были учителя из канадского и американского захолустья на пенсии, такие же секретарши и медсёстры, мелкие бизнесмены. Олигархи на нашем судне замечены не были.

Однажды в разгар антарктического круизного сезона, капитан вызвал меня в свою каюту, где уже сидел озабоченный шеф штабфа. Капитан сказал: «Канадская турфирма поймала на крючок своей рекламы какую-то американскую леди и, ну очень, хочет прокатить её в Антарктиду. Адвокаты этой леди требуют от турфирмы гарантий, что она будет в комфорте, что её не укачает, что ничего с ней не стрясётся и так далее. (Американские адвокаты, как ты понимаешь, способны разорить даже Рокфеллеров)». «Ну, ради комфорта, — сказал “мастер” (капитан), — я отдам ей свою каюту. Гарантировать отсутствие качки не могу — я не бог морей Посейдон. А вот, что касается медпомощи — это к тебе». Я ответил: «Вы оба видите, какой возрастной контингент мы везём в экстремальный, по сути, круиз. Хотя у нас и не плавучая многопрофильная больница, и не хоспис для умирающих, — мы до сих пор справлялись. Но никаких письменных гарантий я бы не давал! Помните, мы возили деда 85 лет с электронным чемоданом в руке. Без этого чемодана его сердце не работало, и дышать он не мог! А второй — 90-летний дедок с прошлого рейса?! Сразу по прибытии на судно громко заявивший, что у него рак лёгких, но он хочет напоследок подышать чистым воздухом. (А в конце круиза дед напился, упал и сломал шейку бедра). Тут шеф штабфа насупился, потому что я тронул его капиталистическую душу за самое больное место — за карман! Что отписал шеф своей турфирме — не знаю, но следующую группу все ждали с интересом.

Человеческие страх и подлость в целом безграничны. Вот яркий пример. Любое нормальное судно управляется штурманами (навигаторами) по приборам и штурманским морским картам. Карты постоянно корректируются, иначе судно может заблудиться в открытом океане или при плавании среди островов просто налететь на скалу, берег и утонуть. Вспомните-ка господина Жюль Верна и его роман «Пятнадцатилетний капитан». Там подросток, управлявший судном, вместо Америки прибыл в Африку! Но карты в некоторых странах являются составляющей частью государственной тайны. Поэтому матушка-Россия нам нормальных карт не выдала — ведь на борту сто иностранцев! (Враги!) А канадцы, аргентинцы, американцы тоже не рвались дать

нам свои карты — экипаж-то русский! Вот поэтому, по грустному замечанию моего капитана, плавали мы по картам «левым», добытым чёрт знает где и как — чуть ли не по картам, вырванным из школьного учебника географии. Спасали нас от аварий три обстоятельства. Во-первых, опытный штурманский состав и знание района плавания (судно-то Арктического и Антарктического НИИ). Во-вторых, добровольный отказ почти всего экипажа от употребления спиртного в рейсе. И, в-третьих, прекрасный, хотя и молодой относительно, капитан. Все 12 дней круиза, пока судно находилось в движении, он практически не уходил из рулевой рубки мостика. Он сидел «на мосту» в высоком (до полутора метров высотой) специальном кресле, видя с него всё, что творится по ходу судна, слева и справа, а также, что происходит и на самом мостике. Помогала нам и круглосуточная полярная белая ночь. Но зато очень мешали туристы со своей фото-кино-видеотехникой. (На любом нормальном судне вход на мостик и в радиорубку посторонним воспрещён. Но в этих круизах — «любой каприз за ваши деньги!»). И на мостике толпилось порой до полусотни людей, снимавших через широко открытые (для улучшения качества снимков) двери крыльев мостика и иллюминаторы (лобовые стёкла) красоты и зверей с птицами. Из-за этого «на мосту» было холодно, и капитан сидел в своём «гнезде», как «орёл на вершине Кавказа», закутавшись с ног до макушки в здоровенный овчинный армейский тулуп, какие в советской армии выдавали зимой часовым на посту. Тулуп числился по списку судового имущества за боцманом и стоил шестьсот рублей на момент приобретения в советские времена (сумма немалая, если учесть, что зарплата городского врача-хирурга была тогда 105 рублей, ещё до вычетов). Капитан в «гнезде» и ел, и дремал в полглаза, и командовал вахтенным штурманом и рулевым все 12 дней очередного рейса, покидая свой пост только в порту пункта Аренас или стоянке на якоре в моменты отбытия туристов на берег. «Тяжела ты, шапка Мономаха!» (капитана). Весь экипаж это знал и уважал этого мастера вполне заслуженно. Уважение и было причиной железной дисциплины на судне — без матерного рёва или просто склок.

Итак, к борту теплохода подкатил автобус с очередной группой интуристов, желающих запечатлеть себя для потомков. Типа: «Я и Антарктида!». Экипаж и штафф прокричали приветствие и начали разводить народ по каютам и заносить их вещи на борт. (Не будут же 70-летние люди таскать свои чемоданы).

А кто же из них VIP-леди? Где?! Самым последним из дверей автобуса показался крупный зад, а затем его владелец, с ног до шеи затянутый в какой-то чёрный комбинезон, выволакивающий из автобуса задом наперёд кресло-каталку. На голове владельца большого зада и комбинезона в обтяжку красовался чёрный же берет, сдвинутый на ухо. Если вы когда-нибудь видели фильмы про неустрашимых американских морпехов — это был их эталон. Не менее 180 см ростом, широкий в плечах и бёдрах. И лицо эталона было чернее ваксы. Это был супернегр». Геркулес из «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна. Вторым заходом Геркулес вынес на руках и усадил (уложил?) в каталку нечто, завёрнутое в меха. После третьего нырка в автобус Геркулес из морской пехоты США легко покати́л левой рукой каталку к трапу судна. В правой руке негр держал гигантскую клетчатую сумку 1,5 на 1,5 метра (с такой примерно ездили за барахлом в Турцию или Китай наши челноки). Сумка была плотно набита. На левом боку морпеха висела ещё одна громадная сумка из мягкой коричневой кожи, тоже плотно набитая. Эта сумка по своим размерам была похожа на дипломатическую вализу для перевозки диппочты или на мешок, с которым инкассаторы забирают выручку из магазинов. Танцующей лёгкой походкой, несмотря на весь свой груз, морпех быстро подкатил кресло к трапу, улыбнулся в 32 белейших зуба и оказался молодой чернокожей 23-летней красавицей с правильными европейскими чертами лица по имени Мери (очень весёлой, контактной, озорной и любвеобильной, как выяснилось позже). Оставив каталку и клетчатую сумку матросам и стаффу, Мери подхватила на руки своё закутанное в мех нечто и, вместе с сумкой инкассатора, взлетела по крутому трапу как пёрышко. Нечто, показавшееся всем сначала маленькой больной обезьянкой, оказалось бабулькой, примерно в 150 см ростом, худенькой, с покрытым морщинами жёлтым лицом, на котором выделялись большие, чёрные и почему-то очень печальные глаза... Экипаж, после мимолётной задержки, вызванной появлением чёрной Венеры, быстро разместил пассажиров и вещи. Лоцман — аргентинец и капитан поднялись на мостик, и судно дало ход. Стафф занялся, как обычно, показом спас-жилетов, шлюпок и обычным инструктажем сухопутной публики.

Хотя наш капитан и говорил, что он не морской бог, но этот рейс проходил, на удивление всем, при невероятно тихой для Антарктиды погоде. Даже вечно бешеный пролив имени английского

пирата Дрейка пропустил нас в Антарктические воды и обратно благосклонно. Туристов, как всегда, штафф водил по судну (в машину, в лекционный и кинозал, в бар, в столовую, на мостик, в медицинскую часть, знакомя с врачом, в радиорубку) группами, попутно описывая берега Огненной Земли, весьма мрачноватые, но и живописные в своей холодности. В своё время Огненная Земля была покрыта могучими реликтовыми лесами с дубами в 4–5 обхватов. Но вырубил весь лес до основания род человеческий. Из этих дубов был построен частично в своё время и Буэнос-Айрес — столица Аргентины. Да и чилийцы не отставали на своей части острова. (За обладание этим островом даже велась затяжная война между Чили и Аргентиной).

А Мери с бабулей по имени мисс Дайана сидели в капитанской (самой шикарной по морским понятиям) каюте и грустно глядели на мрачноватые берега и воды. Штафф был занят, да и экипаж тоже, так что никакая интересная информация до них не доходила. Но Мери не была бы Мери, как и её хозяйка, если бы смирилась с подобной ситуацией. Мери шустро обежала все доступные для пассажиров части парохода и объявила, что лучше и интереснее всего быть на мостике судна, в рулевой рубке. И народа много, и есть, с кем поболтать, и информация разнообразная там звучит об окружающей обстановке. И даже (она уже успела договориться) с канадскими поварами, что пищу можно тоже будет таскать на мостик... Что постоянно на мостике толпа — капитан и экипаж смирились. Но что по мостику будет разъезжать (при качке) инвалид-колясочник — такого ещё не было! Но и отказать напору красавицы-морпеха Мери — на этой планете, не смог бы никто. Она притащила на мостик шефа штаффа, и было решено, что на правом борту по-прежнему будет «орлиное гнездо» капитана, а на левом борту рулевой рубки будет постоянное место важной пассажирки. На берега Антарктики она выходить не собиралась, а хотела с наиболее высокой точки наблюдать окружающие красоты. Шеф обратился с таким предложением к туристам, и все выразили своё согласие. Так на ходовом мостике прописались постоянно двое: капитан и закутанная в свой соболиный (шиншилловый?) с ног до маковки мех мисс Дайана.

Остальные туристы стали бывать на мосту довольно редко. То у них высадка на острова, то выпивка «для сугрева» после высадки (а высадок было до трёх в сутки), то лекция о зверях, птицах и просто об Антарктике, то кинофильм, то приём пищи — то есть весь туристический народ был занят постоянно. Как бы ни ругали нашу

морскую академию (Макаровку), но готовить морских тружеников она умела. Капитан, без каких-либо дополнительных курсов, владел свободно разговорным английским. И почему бы не пообщаться двум людям, вынужденным находиться рядом длительное время. Мери утаскивала свою хозяйку из коляски раз в сутки на туалетные процедуры. Да три-четыре раза в день выпаивала ей по пол-литра апельсинового сока, коим и была набита знаменитая клетчатая сумка (ничего другого врачи мисс Дайане почему-то не разрешали). А знаменитый «дипломатический сундук» стоял постоянно у колеса каталки или грелся в руках владелицы.

Капитан откровенно рассказал леди, что прошёл в Антарктике все ступени морской службы от юного 4-го штурмана до капитана. Ну, и поделился своей семейной жизнью и жизнью нашей Родины. Мисс Дайана — у неё оказался далеко не старушечий звонкий голос — рассказала, что родилась в очень небедной семье, училась в престижных заведениях, потом занималась семейным бизнесом, замуж так и не вышла. Детей нет, но есть куча разнообразных родственников, врачей, адвокатов и нотариусов, с нетерпением ждущих её смерти. «Меня и в Антарктиду отправили с надеждой, что ледяной континент и такой же океан вытряхнут из меня мою бедную душу», — с усмешкой заметила леди капитану. Эта, похожая на сморщенную большую обезьянку, худенькая женщина, душой отнюдь не была. «Меня греет только тепло моей преданной Мери, которую я подобрала бездомным ребёнком на улице. Вот только мои ноги последнее время плохо мне служат». Так они и беседовали, скрашивая друг другу вынужденное одиночество...

И вот, в один прекрасный день, наш поварёнок Мишка пригласил капитану обед на мостик. Леди как раз покончила с очередной банкой апельсинового сока. Высунув голову из своего соболиного убежища, она спросила «мастера», что он ест на обед. Впоследствии Мишка чистосердечно признался, что в этот день он «на секундочку» забежал к канадским поварам и они налили «брату по крови и классу» 50 граммов вискаря, после чего он и понёс обед капитану. А принёс он на мостик макароны по-флотски, то есть смесь макарон, жареного фарша, лука, моркови и соуса. Мишка был хорошим специалистом и не слишком любимое моряками блюдо (иногда на флоте его зовут «макароны с мусором») готовил старательно, на удивление съедобно и даже вкусно. Но, принятые 50 грамм виски сыграли в этот день решающую роль во всех последующих событиях. Не успел капитан ответить на

вопрос пассажирки, как поварёнок решил блеснуть знанием английского, хотя и ломаного. В русском переводе это звучало примерно бы так: «Это специальное блюдо для русских моряков (Ит из спешиап фуд фор раша симэн). Только для работы в Антарктике. Эксклюзив (Онли фор симэн ин ворк экстрим ин Антарктик. Эксклюзив)! Мишка, по нетрезвости, просто пытался пошутить над иностранкой, «приколослся», — как он объяснил позже. А у дамы загорелись от любопытства глаза. «Капитан, — сказала леди, — могу ли я, вопреки запрету моих врачей, хотя бы попробовать это эксклюзивное антарктическое блюдо?!». «Мастер» чуть не подавился макаронами. «Принеси, гад!» — приказал кэп поварёнку, показав исподтишка кулак. Мишка принёс, дама попробовала. «Бьютифул! Деликатес!!!» (Ещё бы не деликатес, если человека полгода кормили только апельсиновым соком). Но Мишку, гордого своей удавшейся шуткой и похвалой его поварского таланта, понесло. Он, как мог, объяснил даме, что это специальное морское антарктическое блюдо русских моряков надо употреблять с коньяком. После этого Мишка повернулся к капитану и подмигнул (дескать, каков я шутник?) и собрался уйти. «Капитан, — немедленно отреагировала пассажирка, — могу ли я попросить Вас помочь мне попробовать русский деликатес по рекомендованному Вашим специалистом рецепту?» «Мэм, — ответил капитан, — для русских моряков, славящихся своим гостеприимством, нет ничего невозможного!» Повернувшись к топтавшемуся у двери Мишке и ласково ему улыбаясь, «мастер» сказал: «Пойди к старпому. Пусть откроет кладовку и нальёт в рюмку 25–30 грамм коньяка из моего запаса. И вызови на мостик врача. Если пассажирка умрёт, меня её адвокаты затаскают по судам. Но прежде я тебя, паразита, лично вышвырну за борт!!!» Побледневший шутник кинулся вниз. Налив у старпома искомые граммы, полетел к заказчику, постучав на ходу в дверь медчасти с криком: «Врача на мостик!»

Я вбежал с чемоданом «скорой помощи» в рулевую рубку, когда бабуся, хлопнув рюмку, торопливо заедала её «русским деликатесом». Через пять минут глаза моей неожиданной пациентки стали закатываться и, пробормотав «Бьютифул!», леди вырубилась. «Док, — пробормотал «мастер» из своего угла, — не уходи! Если пассажирка умрёт — нам всем хана!» «Да она просто спит. Пульс и давление примерно в норме. Человек не ел полгода, с ваших же слов, и не употреблял спиртного Бог знает сколько времени» «Всё равно не уходи! И ты тоже, — сказал капитан

хмуру прижавшемуся к двери повару. Если она склеит ласты, будете выносить тело». За всей этой сценой с тревогой наблюдали вахтенный штурман и матрос на руле. Туристов, слава Богу, на мосту не было. Так мы и торчали впятером около почтенной дамы два часа.

Потом леди открыла свои глазки, разглядела Мишу и, сказав, «Бьютифул деликатес!», открыла «инкассаторский баул», стоявший у её каталки. Баул был под завязку набит пачками долларов. Дама достала одну пачку в банковской упаковке и, вытащив одну стодолларовую купюру, протянула её ошалевшему гению камбуза. «О, кей?» — спросила леди. «Йес!» — пролепетал поварёнок. «Капитан, — сказала мисс Дайана, — я хочу получать это специальное блюдо с коньяком ежедневно. За отдельную плату, разумеется. Это возможно?» «Мастер» подтвердил, что для наших друзей русские моряки готовы сделать невозможное. «Ты теперь будешь таскать свои специальные макароны на мостик ежедневно. И коньяк тоже. Будешь знать, поросёнок, как шутить над пассажирами. И не вздумай забыть или схалтурить! Убью!» — сказал капитан повару...

И понеслось! Миша ежедневно стал таскать на мост «деликатес» и коньяк. (И получать каждый раз по сотенной бумажке). Через три дня VIP-леди пожелала питаться удивительным деликатесом дважды в сутки. И, под ненавидящими глазами вахтенной службы мостика, повар получал свои двести баксов в день. За три дня до возвращения в порт Ушуайи леди пожелала питаться волшебным продуктом трижды в день (с соответствующей оплатой) и также потребовала, чтобы Мишка задиктовал, а капитан записал для неё точный рецепт изделия.

При этом леди похвасталась капитану, что после круиза чувствует себя намного лучше, чем до рейса на шестой континент. «И ноги стали шевелиться!» — констатировала пассажирка. И она не лгала!!! Я видел, что желтизна стала покидать её лицо, и даже появился лёгкий румянец. Она ведь перестала сидеть на своём апельсиновом соке, стала получать из макарон — углеводы, из фарша — белки, а от моркови, лука и соуса у неё улучшилась работа пищеварительного тракта. Она спала сутками на чистом воздухе, отрешившись от всех городских забот. Она наблюдала картины прекрасной природы, зверей и птиц, сопровождавших судно, что благотворно действовало и на нервную систему. Она поняла (а она, напоминая, не была глупой), что те, кто отправил её в Антарктику умирать — промахнулись!!! И всё это тоже под-

нимало её жизненный тонус! И то, что все её деньги, которые она увезла с собой в рейс — остались при ней, а не были растащены жадным окружением — тоже сыграло роль (прикиньте, если в стандартной банковской упаковке сто сотенных бумаг — это десять тысяч, а ведь вместительный баул был набит ими весьма плотно). В день прибытия в Ушуайю дама выкупила у капитана тулуп (на судне был запасной) за каких-то пару тысяч баксов, а свою меховую душегрейку подарила другу-капитану. Садясь в автобус, закутанная в русский армейский тулуп заботливой Мери, женщина, высовываясь в окно автобуса, показывала нам свой торчащий вверх средний палец маленького кулачка и кричала под смех капитана: «Вот моим родственникам! Вот моим врачам! Вот моим адвокатам! Я теперь знаю, как надо жить!»

И VIP-леди укатила в аэропорт, оставив экипажу гигантскую клетчатую сумку, набитую апельсиновым соком. Повар Мишка, заработавший за рейс почти тысячу долларов (напомню, врач получал в месяц шестьсот), почти рыдал. Но плакал от расставания не только он. Плакала и часть экипажа. Ведь мы забыли о красоте Мери. Оставшись не у дел, любвеобильная чернокожая пантера нашла среди мужской части экипажа массу горячих поклонников, доказавших делом, что русские мужчины являются самыми нежными, самыми ласковыми, самыми темпераментными и горячими мачо на всём свете. Мери завалили нехитрыми морскими подарками, и девушка, уезжая, тоже плакала. Так плачем и завершился этот странный рейс, вошедший в историю ААНИИ-шных судов под названием «Макаронный» или «Деликатесный».

Институт Арктики
и Антарктики
в Санкт-Петербурге